

Михаил Долбилов
Аттестация
«верноподданнических чувств»:

МИНИСТЕРСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА
И НАРОДНЫЕ ПАНЕГИРИКИ ДОМУ РОМАНОВЫХ
В 1860—1880-х ГОДАХ

Mikhail Dolbilov

Evaluating the “Most Loyal Feelings”: The Ministry of the Imperial Court
and the Popular Panegyrics to the House of Romanov in the 1860s—1880s

Михаил Долбилов (Университет Мэриленда, США, ассоциированный профессор департамента истории; кандидат исторических наук) dolbilov@umd.edu.

Mikhail Dolbilov (PhD; Associate Professor, Department of History, University of Michigan, USA) dolbilov@umd.edu.

Ключевые слова: Российская империя, монархия, монархизм, политическая культура, подданство, лояльность, панегирическое стихотворчество

Keywords: Russian Empire, monarchy, monarchism, political culture, subjecthood, loyalty, panegyric poetry

УДК: 323.212

UDC: 323.212

В статье обсуждается важное для российской монархии в эпоху Великих реформ различие между «регулярным» верноподданством в значении законопослушности и благонадежности, с одной стороны, и верностью/преданностью как индивидуализированной формой политической лояльности — с другой. Кому, когда, при каких обстоятельствах и сколь долго разрешалось или предписывалось проявлять «верноподданнические чувства» в манере более спонтанной и своеобразной, чем большинству членов соответствующей сословной, конфессиональной или этнической группы? Во второй половине XIX века постоянной формой контакта между властью и подобными лоялистами были подававшиеся через Министерство императорского двора, но при этом добровольные и специально не регламентировавшиеся личные панегирики особам царской крови от самых разных подданных. Не все из них удостоивались всемиловейшего принятия, и в критериях отбора отразились более общие представления той эпохи как о политической сущности, так и о своего рода эстетике лояльности монарху.

This article discusses the difference, important for the Russian monarchy in the era of Great Reforms, between “regular” loyalty, meaning being law-abiding and dependable, on the one hand, and on the other, loyalty/allegiance as an individual form of political loyalty. To whom, when, under what circumstances, and how long was it allowed or commanded to show “loyal feelings” in a manner that was more spontaneous and unique than was expected of most members of a respective class, religious, or ethnic group? In the second half of the 19th century, a persistent form of contact between the government and such loyalists were personal panegyrics by various subjects to members of the ruling house. Being voluntary and not strictly regulated in form and style, they still had to be submitted through the Ministry of the Imperial Court. Not all of those verses were honored with the most gracious acceptance, and the broader ideas of the era about political essence and the kind of aesthetics of loyalty to the monarchy are reflected in the selection criteria.

Поэтическая традиция восхваления российской монархии ассоциируется преимущественно с одами середины и второй половины XVIII века. Политическое функционирование оды разносторонне трактуется в ряде филологических и филолого-исторических работ двух последних десятилетий. На этом мате-

риале убедительно раскрыта, по выражению Л. Голбурт, «пластичность» панегирика и в идеологическом дискурсе, и в жанровой форме [Golburt 2014]: авторам од удавалось не только приспособливать возносимую хвалу к придворной и литературной злобе дня, но и предвосхищать новшества официальной риторики самодержавия, в особенности при смене монарха.

Закат оды как высокого жанра, однако, вовсе не повлек за собой угасания стихотворного панегирика правителю как феномена политической культуры. В течение большей части XIX века на имя российских императоров и членов их семей каждый год направлялось по различным поводам или даже без них множество рукописных стихотворных поздравлений от лиц, которые еще не являлись или вовсе не собирались становиться профессиональными литераторами. Утратив каноничность оды и превратившись в один из жанров «низового» стихотворчества, такой панегирик стал неким каналом коммуникации между подданными и властью.

Заметный подъем стихийного народного славословия, адресованного трону, совпал с царствованием Александра II. Тому способствовали и вызванная Великими реформами социальная мобильность, существенно повлиявшая на восприятие монархии плебейями [Brooks 2019: 13–37], и бурное развитие газетной лексики и фразеологии [Сорокин 1965: 139–153, 504–514], в стороне от которого не оставалась разговорная речь, и все более заметное присутствие быстро разрастающейся императорской семьи в открытом для простых смертных публичном пространстве [Rieber 2017: 9]. В той мере, в какой индивидуальные обращения к монарху стимулировались коллективными, свою роль в расширении круга добровольных панегиристов сыграли так называемые всеподданнейшие адреса от представителей сословных и прочих институций, которые подавались в знак преданности престолу по случаю таких тревожных событий, как восстание в Царстве Польском в 1863 году и покушение Д.В. Каракозова на Александра II в 1866-м [Майорова 2008]. В то же время панегирики, даже выдержанные в новой стилистике гражданственного дискурса, оставались родственны более традиционной форме контакта верноподданного с верховной властью — прошениям нуждающихся и страждущих об оказании прямой царской милости [Сафронова 2016], тем более что нередко панегиристы без околичностей просили о материальной награде за поднесенную хвалу.

В данной статье предлагается взглянуть на панегирики 1860–1880-х годов сквозь призму проблемы политической лояльности¹. Мною уже предпринималась попытка доказать, что для нормального функционирования российского самодержавия весьма важным было умение властей разграничить не только нелояльность и лояльность правителю, но и различные модусы самой лояльности. Они выражались посредством узнаваемых эмоциональных состояний, говорящих поведенческих практик и, конечно же, аффективно маркированной речи [Dolbilov 2017]. В эпоху Великих реформ приобрело дополнительную актуальность различие между «регулярным» верноподданством в значении зако-

1 В настоящей статье лексема «лояльный» употребляется в значении, тождественном английскому *loyal* — «преданный, верный кому-либо/чему-либо». Его следует отличать от другого значения, фиксируемого в узусе издавна, но широкое распространение получившего с 1990-х годов, — «корректный», «благожелательный», «толерантный», вплоть до «мягкий» и даже «человечный» (см.: [Сорокин 1965: 141; Левонтина 2012: 134–136]).

но послушности и благонадежности целых групп населения, с одной стороны, и верностью/преданностью как индивидуализированным, лично и осмысленно переживаемым опытом политической лояльности — с другой. По реакции властей на добровольные панегирики как изъявление чувств (действительных или наигранных — другой вопрос) можно судить о том, кто, когда и при каких обстоятельствах поощрялся к демонстрации преданности монарху и правящему дому в манере более спонтанной и своеобразной, чем ожидалось вообще от соответствующей сословной, конфессиональной или этнической среды.

Обязанность просеивать панегирики, прежде чем единицы из них могли бы быть в выжимках сообщены августейшему адресату (до самоличного прочтения им полных текстов дело доходило крайне редко), лежала на Министерстве императорского двора (МИДв). В его разветвленной компетенции анализ народной хвалы монарху соседствовал с предварительной цензурой специально созданных для публики текстов, произведений искусства, изображений и коммерческих изделий, которые так или иначе касались темы императорской семьи [Григорьев 2007]. Вплотную занимались чтением панегириков чиновники среднего звена, подчиненные управляющему канцелярией МИДв; они же писали начерно заключения канцелярии по каждому из представленных сочинений — подобающе ли выражены в них «верноподданнические чувства». За мерило лояльности принимались именно чувства сочинителя, независимо от того, были ли они сюжетом стихотворения или нет. Проекты заключений восходили к министру и, как правило, им утверждались. Но в выработке взгляда на эти заявления народной преданности министр участвовал не только формальной подписью.

Почти тридцать лет, с 1852 по 1881 год, во главе МИДв стояли представители графского рода Адлербергов — до 1870 года назначенный еще Николаем I Владимир Федорович, а затем его сын Александр Владимирович [Шилов 2002: 36—44]. И отец, и в еще большей степени сын не просто были потомственными царедворцами, хранителями династических тайн, но и культивировали эстетику поклонения венценосной семье [Шереметев 2004: 147—149, 153; Григорьев 2007: 272—291]. Начиная с середины 1860-х Адлерберг-сын совмещал прямые служебные обязанности с приватной миссией посредника между все больше отчуждавшимися друг от друга августейшими супругами — Александром II и императрицей Марией Александровной. В его письмах императрице запечатлена изощренно ведшаяся им кургуазная игра в самоотверженного рыцаря якобы равнодушной монархини, отрешившейся от житейской суеты и отказывающей верным слугам в толике внимания (посредством чего Адлерберг пытался противодействовать ее моральной апатии и утрате веры в лечение от изнурительной хронической болезни). Тем интереснее находить в этих эпистолах пассажи, пусть и не стихотворные, которые и по смыслу, и даже стилистически созвучны подобострастным гиперболам в том или ином из полуграмотных панегириков, тогда же поступававших на оценку подчиненным Адлерберга [Dolbilov 2021].

Может быть, благодаря богатому и сложному опыту преданного монархического служения, которым располагали оба Адлерберга, МИДв под их управлением в общем снисходительно относилось к демонстрации верноподданнических чувств людьми, в большинстве стоявшими неизмеримо ниже этих аристократов в социальной и служебной иерархии (ср.: [Григорьев 2007: 187—199]). Среди панегиристов преобладали крестьяне (обычно отходники), меща-

не, купцы, чиновники и военные в невысоких чинах, дворяне из низших страт сословия. Преимущественно к этой последней категории принадлежало женское меньшинство панегиристов. Иногда, как мы увидим далее, стихотворения на русском языке подавались и людьми из нерусских этнических групп². У МИДв имелась немногочисленная, но устойчивая клиентела из малоимущих панегиристов, которым каждый год за их очередные стихотворения вручалась скромная сумма денег. Не шокировала чиновников и настойчивость вроде той, которую в 1865 году проявила получившая благодарность за стихотворение, поднесенное императрице, незамужняя чиновничья дочь Надежда Нечаева. В ответ она прислала новый панегирик, адресованный уже непосредственно В.Ф. Адлербергу, и тот распорядился о выдаче ей 50 рублей:

Царицы дорого мне слово,
 Но я молила не о том,
 Молила помощи, покрова,
 Надежда вся в Тебе одном.
 Ты всемогущ, Ты власть имеешь
 Все скорби в радость обратить,
 Царя доверием владеешь,
 Чтоб миловать, благотворить³.

Несмотря на соблазн материального вознаграждения, среди панегиристов было не так уж мало тех, чье самосознание, насколько о нем можно судить по доступным источникам, могло бы быть описано чеканной пушкинской формулой: «Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю: / Я смело чувства выражаю, / Языком сердца говорю» («Друзьям»). И в самом деле, хотя большинство даже технически сносных стихотворений изобилует стереотипной риторикой и поэтическими штампами (приводя на ум отнюдь не Пушкина, а капитана Лебядкина из «Бесов» Достоевского), налицо в них и свойства авторского текста, тень творческого трепета⁴. Сама процедура рассмотрения панегириков выдает всегдашнее опасение МИДв, что заключенная в них хвала может оказаться чересчур «свободной». Согласно действовавшему с начала 1860-х годов правилу, условием принятия и передачи таких сочинений «на высочайшее воззрение» было разрешение общей цензуры — одного из местных цензурных комитетов⁵. Иначе говоря, МИДв пыталось поставить первый заслон потоку народного славословия еще на подступах к собственно придворной цензуре. На практике, однако, правило это соблюдалось не всегда: чиновники применяли его с учетом и личности панегириста, и характеристик панегирика, и обстоятельств его подачи.

2 Из других языков, на которых написаны поданные в МИДв в 1860—1870-х годах панегирики, достаточно заметно представлен немецкий.

3 РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 472. Оп. 19. В/о 118/955. Д. 60. Л. 390—391 об.

4 Некоторые стихотворения, вероятно, писались умельцами версификации по заказу номинальных панегиристов, но в сущности это не умаляет их аутентичности как свидетельств об образах монарха, бытовавших в сознании людей той или иной социальной среды.

5 РГИА. Ф. 472. Оп. 16. В/о 273/1290. Д. 11. Л. 89—90. На специальную же цензуру МИДв из панегирических текстов поступали те, которые их творцы желали опубликовать с печатным посвящением одному из членов правящего дома.

Сложное взаимодействие между мотивациями — как меркантильными, так и идеалистическими — панегиристов и ожиданиями «оценщиков» верно-подданнических чувств иллюстрируется рядом стихотворений, поданных весной 1865 года по случаю горестного события в царской семье — скоропостижной смерти вдали от родины, в Ницце, юного наследника престола великого князя Николая Александровича [Уортман 2004: 157—159].

Дочь отставного титулярного советника Марфа Панина приехала в Петербург из Москвы, чтобы, по ее словам, самостоятельно «снискивать средства к жизни литературой и уроками», в начале 1865 года, когда в публике мало кто еще знал об обострении болезни наследника. Но повод для обращения к теме августейших лиц не замедлил сыскаться — близился десятилетний юбилей восшествия на престол Александра II. И, как ясно из переписки Паниной с канцелярией МИДв, ее первой пробой пера в жанре политической хвалы стало уже в феврале стихотворение «На десятилетие царствования Царя-Освободителя». Начиная панегиристка добилась встречи с управляющим канцелярией и узнала от него, что — цитирую ее позднейшее прошение тому же лицу — «стихи патриотического содержания можно представлять и нецензорованными»⁶. Тем не менее Панина законопослушно подала первый опус в Петербургский цензурный комитет и получила оттуда одобрение при условии внесения в текст нескольких поправок. Требования поправок выдают озабоченность цензора потенциальной политической ассоциативностью того или иного выражения. Так, в строках о завершении при только что воцарившемся Александре II Крымской войны Паниной пришлось отказаться от слишком уж литературного эпитета, усиливающего мотив драмы, а то и трагедии:

Как весь Твой род, и встарь, и вновь,
Исполнен к родине любви,
Ты понял цену русской крови,
Ты — человек!
Да, человек вполне, в ~~шекендревском~~ возвышенном значеньи,
И саном, и душой возвышенной велик...

В исправленном виде и со штампом цензурного комитета рукопись стихотворения благополучно достигла МИДв, и вскоре Панина была удостоена за него высочайшей благодарности⁷.

Спустя несколько месяцев поощренная таким образом панегиристка сочинила целых два стихотворения на кончину царского сына. Одно из них, озаглавленное «На встречу останков Государя Цесаревича Наследника Престола», особенно примечательно явным перевесом версификаторского азарта над конвенциями изъявления скорби. Сцену прибытия из Кронштадта на петербургскую пристань, при стечении немалого числа зрителей, парохода с телом покойного на борту бойкий четырехстопный ямб преподносит в тональности кульминации и развязки сюжетной интриги (тем более что перевозка скорбного груза морем из Ниццы в Кронштадт на фрегате «Александр Невский» заняла около месяца):

6 РГИА. Ф. 472. Оп. 19. В/о 118/955. Д. 60. Л. 102, 107.

7 Там же. Л. 103, 106.

Вот месяц, вот другой идет,
Полн любопытства, полный страха
Престолу преданный народ
По целым дням у берега ждет
Приезда царственного праха.

<...>

Петрополь весь уж знал заранее
Приезда час, с обедни ждет,
Когда покажется в тумане
Так долго жданный пароход.

Среди Невы, в волнах и пене,
Средь миллиона жадных глаз,
Так величаво, как на сцене,
И он предстал на этот раз.

Ряд пышных зданий, вод равнина,
Суда, темневшие среди струй,
Гроб пышный царственного сына,
Художник! кисть бери, рисуй!
Великолепная картина!⁸

Политическая акустика 1860-х, отразившаяся в раскованном языке процитированных строф, вероятно, приглушала несоответствие гиперболы «миллиона жадных глаз» и ей подобных строгому династическому чину траура. Жадность толпы до зрелища оборачивалась в стихотворении знаком массовой преданности престолу. Панина старалась не зря: из около двадцати принятых МИДв стихотворных откликов на смерть наследника ее детища были отмечены в докладе министра императору среди тех, что «по искренности чувств и в литературном отношении более прочих заслуживают Монаршего внимания», а полученная в конце концов сочинительницей награда была из всех розданных этой группе самой щедрой — бриллиантовая брошь и серьги с алмадинами стоимостью в 128 рублей⁹.

Среди откликнувшихся на печальное событие был и живший в столице на заработках бывший крепостной крестьянин Алексей Каменский, который возложил лист бумаги со своим стихотворением на гроб наследника, когда по прибытии фрегата в Кронштадт публике было разрешено взойти на борт. Казалось бы, такой лепте было очень легко сгнуться без следа, но полиция щепетильно отнеслась к невзрачно оформленному подношению. Крестьянину было позволительно не знать процедуры обращения в придворное ведомство, и по-крестьянски же простодушным выглядела доставка стихотворения как прощального подарка самому усопшему. Не кто иной как столичный обер-полицмейстер И.В. Анненков, пересылая находку у гроба в МИДв, отмечал в письме министру, что «при всей несвязности этого стихотворения в нем видно теплое чувство усердия и преданности». Действительная несвязность, пренебрежение и метром, и рифмой,

8 Здесь и далее при цитировании текстов, характерно отступающих от литературной нормы, оригинальное написание сохраняется, насколько это возможно без использования упрощенных букв дореформенного алфавита.

9 РГИА. Ф. 472. Оп. 19. В/о 118/955. Д. 60. Л. 228—229 об., 316, 322.

а также следы диалектного произношения сочетались с усвоенным приемом апологетики современного самодержавного реформаторства. Такая деталь, как посещение наследником в путешествии по Волге родного города сочинителя — Рыбинска, влекла за собой череду метафор, относящихся уже к отцу покойного:

Тебя мы вспоминали, здесь был
Престола наследник,
Первородный (sic. — М.Д.) Сын Того
Великого Монарха,
Который мудростию своею
Снял вековой гнет,
Развязал Гордиев узел,
Высадил дух Гражданства...

За свое стихотворение Каменский удостоился высочайшей благодарности, без материальной награды¹⁰. Архивное дело молчит о том, как он воспринял это отличие. Однако об отношении некоторых других панегиристов из непривилегированных сословий к такой милости от имени царя аналогичные досье МИДв позволяют судить. Так, в начале 1880 года вместе работавшие и снимавшие жилье в Петербурге четыре крестьянина-отходника из Калужской губернии — Терентий Гурьев, Захар Манаков, Осип Самсонов и Максим Карасев — несколько раз, каждый по отдельности, обращались в МИДв по случаю, во-первых, 25-летия царствования Александра II, а во-вторых, тяжелой болезни императрицы Марии Александровны, о которой именно тогда стало широко известно благодаря публикуемым врачебным бюллетеням и церковным службам за ее здоровье. Подношениями калужской четверки были незатейливые стихотворения (для одного из них был куплен лист с цветной иллюстрацией, фигурным обрезом и золотым тиснением), сумма в 3 рубля на заздравный молебен при письме к августейшей больной («...замечаю, что еще вы Возлюбленная наша Мати и светлейшая Государыня находитесь в слабом здоровьи. А об такой несчастной вашей Болезни я со своей серотливой Душою и с горячим любящим Сердцем не имею отрады и ни нахожу веселья...»), икона с приложением опять-таки стихотворения. Получив из МИДв каждый по извещению о царском спасибо, эти энтузиасты радостно отвечали сообщая. Их письмо министру двора проливает свет на самый момент, когда «предъявитель» верноподданнических чувств мог — пусть даже в таком не слишком приветливом месте, как полицейский участок, — убедиться в той мере коммуникабельности, которой обладала чтимая им власть:

...нам 8-го сего марта объявлена в участке Высочайшая Его Императорского Величества благодарность, а 9-го по заявлению нашем г-ну Приставу мы получили четыре копии, имея в руках столь высокую радость, за которую еще раз все искренно благодарим Вас, Высокодоблестный сановник и самый ближайший сподвижник Великого нашего державного Вождя и благодетеля человечества...¹¹

Эту историю удачно дополняет случай тверского мещанина Петра Васильевича Дешевова, который в течение семнадцати лет, год за годом, неутомимо отсле-

¹⁰ Там же. Л. 290—293.

¹¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 37. В/о 290/1307. Д. 8. Л. 67—69, 71, 136—139, 144—148, 227—228; цитаты: 68, 227 об.—228.

живал праздничные события в жизни разных членов правящей семьи, дабы лично или по почте поздравлять их — и, разумеется, получать благодарности. В 1875 году он счел себя достаточно потрудившимся на этой ниве, чтобы обратиться к самому министру с просьбой о выдаче ему особого, как бы итогового, «свидетельства на поднесение», которое было бы «для [него] неоцененно в жизни и для детей [его] будет храниться вечно». Приложенный к просьбе перечень его поклонов особам царской крови включал, среди прочих, следующие пункты: в 1858 году «имел счастье удостоиться поздравить со днем восшествия на Всероссийский Престол» императора и императрицу «в Зимнем Дворце у Салтыкова подъезда... поднести хлеб-соль лично»; в 1869-м «апреля 20 дня имел усердие поздравить с высокотожественным праздником Христовым Воскресением по городской почте» императорскую чету, наследника и еще нескольких членов семьи; и т.д.

Несмотря на внушительность перечня, прошение было отклонено, ибо — говорилось в докладе канцелярии министру — «вообще отказывается просителям в выдаче таковых свидетельств, потому что достаточным доказательством принятия прошений и пожалования денежных наград служат письменные извещения, при коих препровождаются награды удостоившимся получить оные лицам»¹². Разочарование Дешеева, добивавшегося для себя некоего специального сертификата усердия в преданности, нетрудно вообразить, но сухое напоминание канцелярии о «письменных извещениях» не было лишь отпиской. Хотя и состоящее из пары трафаретных фраз, извещение о монаршей благодарности являлось адресату начертанным более или менее каллиграфически на бланке МИДв, за подписью самого министра. Производимый этим эффект дуновения из эмпиреев мог быть для человека, не искушенного в бюрократическом делопроизводстве, чарующим — «столь высокая радость» «в руках», как выразились знакомые нам калужские крестьяне, буквально воспринявшие импозантное «А. Адлерберг» на врученном подлиннике и поспешившие подтвердить получение лично министру. Не будет натяжкой предположить, что извещения о высочайшей благодарности вешались в домах, даже не обязательно только крестьянских и мещанских, на стену, служа как «достаточным доказательством» переписки с придворным ведомством, так и заявкой получателя на особый статус в своей социальной среде.

О критериях, которыми руководствовались чиновники МИДв при рассмотрении панегириков, и, соответственно, о логике перемен в официальной позиции относительно этой формы спонтанной апологии монархии мы можем судить по доступным источникам увереннее, чем о мотивациях конкретных панегиристов. Общая установка была такова: допуская индивидуальную манеру и даже причуды словесной манифестации верности престолу, не дать этой стихии распространиться на деликатные политические материи. Как уже отмечалось, в эпоху управления сначала отца, а затем сына Адлербергов МИДв избегало цензорского ригоризма. Присланное сочинение должно было нешуточно приводить в оторопь, чтобы быть охарактеризованным в докладе канцелярии как «лишен[ное] даже простого смысла» или вынуждающее предположить, что «сочинитель не вполне владеет умственными способностями»¹³. Во многих случаях заведомая или предполагаемая политическая благонадеж-

12 Там же. Оп. 16. В/о 246/1262. Д. 2. Л. 118—120 об., 122.

13 Там же. В/о 275/1292. Д. 3. Л. 15—15 об., 493—499 об.

ность или служебное реноме сочинителя искупали изъяны сочинения. Так, в 1881 году отставной поручик лейб-гвардии Гродненского гусарского полка Осип Осипович Смуркович представил на трагическую кончину Александра II «двойной акrostих “Боже, Царя храни”», который был найден хотя и «неудобн[ым] для чтения и разума», даже и вовсе состоящим «из набора слов почти без связи», но при этом свидетельствующим о «добром намерении и верноподданнических чувствах автора». А приняв во внимание еще и «крайне стесненное и болезненное положение» отставного гвардейского офицера, министр согласился с предложением канцелярии выдать ему 100 рублей¹⁴.

В целом самовыражение добровольных панегиристов не подвергалось каким-либо универсальным ограничениям, а регулировалось более гибко, с учетом и социального профиля автора, и повода для написания панегирика, и общей политической ситуации. Рассматриваемая далее серия случаев показательна для нарастающей с конца 1870-х годов тенденции к сужению круга лиц, благодаримых и поощряемых за панегирики монарху. У МИДв до поры до времени не вызвали нареканий даже нелепые до комизма стихи во славу Александра II, если они следовали устойчивой трактовке равно внутренних реформ и имперской экспансии как плодов государственной мудрости правителя, с акцентом на переустройство, а не трансформацию страны.

Более проблематичную попытку прославления императора предпринял 22-летний мещанин Дмитрий Егоров из Тамбова. Рвущийся из нужды плебей, чьим достоянием были только начатки самообразования, Егоров рассчитывал на успех своего апологетического сочинительства как на социальный лифт. Подобно многим другим корреспондентам МИДв, он в первой половине 1880 года прислал стихотворения и на 25-летие царствования Александра II, и на кончину его супруги, за что оба раза удостоился высочайшей благодарности. Третий за год, притязающий на особую выразительность, панегирик под заглавием «Станс (sic. — М. Д.) в день 30 августа 1880 года» (царское тезоименитство) сопровождался прошением самому императору о денежном пособии, необходимом для издания неких одобренных Московским цензурным комитетом сочинений самого Егорова (каких именно — из дальнейшей переписки неясно). «Дайте путь к дальнейшему прогрессу. Примите во внимание, Августейший Помазанник, что я беден физически не от чего-либо, как от семейного положения, состоящего из престарелой бабки, родного дяди и тетки, неспособных к труду, которые лежат на моей обязанности», — эти строки из прошения прямо перекликались с хвалой адресату в самом стихотворении:

Кто снял оковы отверженья
 Восемнадцать лет тому назад?
 Кто семенами просвещенья
 Расширил вольный вертоград?
 <...>
 Кто внял сиротам без призренья,
 Кто их принял под кров родной?
 О фаворит предназначенья,
 Юрисконсульт во всем душой!
 <...>

14 Там же. В/о 381/1901. Д. 6. Л. 93—94 об.

Кого забыл своим деяньем
Рациональный Царь-Патрон,
С кого Отческим вниманьем
Слезу прискорбий не отер?
<...>
Живи на страх рабам кумира,
Протектор истинный любви,
Да процветет тобою лира
Прогресса... Царь, живи, живи!¹⁵

Канцелярия МИДв достаточно внимательно отнеслась ко всеподданнейшему прошению о пособии, чтобы обратиться к тамбовскому губернатору за дополнительными сведениями о просителе. Благоприятный в целом отзыв губернатора, составленный на основе полицейской справки, — выяснилось, в частности, что себя и родственников, включая пьяницу дядю, отличающийся «хорошей нравственностью» Егоров содержит на скудный заработок от частных уроков, — портила ремарка о личной встрече с аттестуемым: «...я нашел его человеком вообще неразвитым, крайне ограниченным, но зачитавшимся разных книг...» В 1880-м, когда народovolьческий террор бил рекорды, молодой мецанин, остро осознающий свою социальную приниженность, да еще поглотитель «разных книг», выглядел подозрительной фигурой, что, вероятно, только укрепило чиновников МИДв в их решении отказать в пособии. В их трактовке Егоров оказывался одним из тех самонадеянных панегиристов, которые злоупотребляли высочайшей благодарностью, полученной за свои графоманские вирши:

...такое к нему снисхождение он, по-видимому, принимает за должную оценку его таланта... Последние стихи Егорова... хотя также свидетельствуют о желании автора выразить патриотические чувства, но по содержанию и изложению частью лишены смысла, частью же совершенно нелепы. Так, например, в обращении к Особе Его Императорского Величества он употребляет такие выражения: «О фаворит предназначенья, Юрисконсулт во всем душой!», «Рациональный Царь-Патрон», «Протектор истинный любви»...¹⁶

Макаронизмы Егорова в самом деле настолько своеобразны, что живо представляешь себе министерского рецензента его поэзии покатывающимся со смеху. Неподражаемые титулы «Юрисконсулт по всем душой», «Протектор истинный любви» и др. — сами по себе вовсе не бессмысленные, как и смешанная метафора цветения «лиры прогресса», — сталкивали между собою легалистскую, ассоциируемую с судебной реформой 1864 года, идею правосудия и много более ранний сентименталистский троп любящей души монарха [Уортман 2004: 37—134]. Но «совершенно нелепым» в глазах чиновников делал стихотворение, вероятно, не столько этот эклектизм (встречались в панегириках и вящие семантические и стилистические странности), сколько излишне свободное употребление автором фельетонной лексики и фразеологии либерального толка. Именно здесь Егоров превысил ту меру индивидуальной специфики в восхвалении монарха, которую МИДв в своей цензурской функ-

15 Там же. В/о 275/1292. Д. 3. Л. 586—587 об.

16 Там же. Л. 589—592.

ции готово было дозволить. Изъявленные в такой форме, верноподданнические чувства не заслуживали поощрения.

Описанный казус отразил намечавшиеся тогда подвижки и в воззрении МИДв на панегирики, и в политике высочайшей благодарности за них. Вполне эта перемена заявит о себе в первые годы правления Александра III. Будучи прямо связана с пересмотром наследия Великих реформ, она обуславливалась и новшествами собственно в МИДв. Преемник А.В. Адлерберга граф И.И. Воронцов-Дашков немедленно взял курс на сокращение сферы ведения министерства и модернизацию его структуры [Григорьев 2007: 291—298]. Убавление масштабов придворного церемониала сказывалось и на активности МИДв, направленной вовне двора, включая коммуникацию с прежними и новыми панегиристами.

Отсрочка коронации Александра III до мая 1883 года дала монархистам-стихотворцам достаточно времени, чтобы уразуметь повестку дня нового царствования и адаптировать к ней традиционно велеречивую риторику. Задолго до коронации начали поступать панегирики, со вкусом развивающие тематику сильной самодержавной власти и принципиального отличия России от Европы. Так, в августе 1882 года коллежский асессор Александр Кареев удостоился высочайшей благодарности за стихотворение «Голос дворянина из Москвы на день Священной Коронации Государя Императора Александра III», где новый монарх воспевался как непосредственный — через голову своего отца — продолжатель трудов деда, Николая I:

Мы ждем Тебя в Москву, наш Император славный,
 Наш новый юный Царь на дедовских правах,
 Царь родовой и никому не равный,
 Неограниченный, не как в других странах!
 Царь непарламентский, не связанный державой,
 Ни конституцией, палатою господ,
 Ни Лордами, но по святому праву
 Приявший в полное подданство свой народ.
 <...>
 Отчизна наша там, где Ты изволишь быть,
 Россия — это Ты, Державный повелитель!
 Мы от Тебя ее не можем отделить;
 Но сам не раздели Ты прав своих, Властитель,
 Наветам хитрецов желая уступить.
 Народ Твой никаких не жаждет изменений,
 А дашь их — не поймет. Никто не хочет их;
 Крамольники одни, искатели волнений,
 О них намеки шлют из грязных нор своих¹⁷.

Несмотря на столь обнадеживающие сигналы, МИДв в ту же самую пору начинает заметно охладевать ко взаимодействию с панегиристами. В сентябре 1882 года канцелярия МИДв подготовила для министра доклад о семи стихотворениях на грядущую коронацию, поданных для поднесения императору, среди авторов которых были и дворяне, и крестьяне. Заключение канцелярии

17 РГИА. Ф. 472. Оп. 27. В/о 404/1924. Д. 72. Л. 113—114.

предлагало и дальше следовать уже опробованной на тот момент практике сдерживания энтузиазма в переписке с панегиристами: «Все эти стихотворения, крайне слабые по изложению, служат выражением верноподданнических чувств сочинителей. В подобных случаях объявлялась иногда Высочайшая благодарность, а в последнее время сообщалось просителям, что полученные от них стихотворения представлены Государю Императору»¹⁸. Иными словами, предлагалось экономнее обращаться с символической ценностью — благодарностью от царского имени. Панегиристам были отосланы лаконичные извещения, подразумевавшие, что молчание императора в ответ на хвалу есть норма отношений между властью и подданными. Такая же участь постигла в 1883 году подборку из более чем 30 панегириков, присланных уже после коронации еще более разнородными по сословной и этнической (грузин, русские, еврей) принадлежности сочинителями: «Большая часть из них не заслуживает никакого внимания». Даже авторы тех двух стихотворений, которые, «хотя также весьма слабые в литературном отношении, могут считаться лучшими», не были удостоены благодарности¹⁹.

Более того, начиная с 1881 года во внутренних отзывах канцелярии МИДв на панегирики все чаще прорывается пренебрежительный или насмешливый тон (который, возможно, звучал в разговорах чиновников о творчестве их подопечных и раньше, но не проникал в письменный дискурс). Так, одно из представленных накануне коронации 1883 года стихотворений — «Скорбь России по случаю кончины Императора Александра II» коллежского секретаря Белдыцкого — доклад канцелярии хлестко аттестовал как служащее «выражением верноподданнических чувств сочинителя и вместе с тем полнейшей его бездарности». Заметим, что фраза рискованно сопоставляет бездарность и чувства преданности, обходясь без противительной конструкции, которая скольконибудь смягчает другие подобные вердикты, как, например: «Труд этот, хотя и благонамеренный по содержанию, выражает полную бездарность автора»²⁰.

Несомненно, эта новая отчужденность МИДв от своих плодovitых корреспондентов отвечала взглядам и главы министерства, и его повелителя на ресурс личной, прочувствованной преданности монарху и правящему дому. Александр III, проводивший, в отличие от Николая I и Александра II, резкую грань между публичным и частным в репрезентации монархии и в собственной жизни [Уортман 2004: 236—247], едва ли мог даже фигурально воспринимать безвестных ему панегиристов как членов своей большой духовной семьи, объединенной чувствами верности престолу. Хотя и датируемая более поздним временем, письменная реплика императора, спрошенного Воронцовым-Дашковым о том, как надлежит отвечать на полученные поздравления с большим семейным торжеством, может быть отнесена и к потоку панегириков в начале его царствования: «...разным отдельным личностям, по-моему, не нужно отвечать, кто их знает, кто они!»²¹

Нам остается рассмотреть в этом ряду еще два эпизода, помогающих понять парадокс недоверия монархии к добровольной народной хвале при им-

18 Там же. Л. 101—101 об.

19 РГИА. Ф. 472. Оп. 27. В/о 405/1925. Д. 1. Л. 520—521 об.

20 Там же. В/о 405/1925. Д. 1. Л. 301; Оп. 27. В/о 404/1924. Д. 4. Л. 120—121.

21 ОР РГБ (Отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 58/II. К. 139. Ед. хр. 13. Л. 23—23 об.

ператоре, для символики правления которого образ опоры на народ был как раз одним из важнейших. Герой первого из них — косвенно упомянутый выше (в связи с панегириками на коронацию 1883 года) еврей Зурих Блиер, служащий частного пароходства в Одессе. В 1883 году в течение нескольких месяцев он присылал в МИДв одну за другой пространные апологии российских императоров, начиная с Петра I. Написанные по-русски хотя и с ошибками, но отнюдь не вопиюще безграмотно, эти сочинения демонстрировали также и политическую грамотность Блиера — он старался подхватить национальный лейтмотив идеологии нового царствования. Вот как это получалось у него в стихотворении «На коронавание императора Александра III»:

О Россия, возможно ли всё описать!
 Какие чудеса, которые пришлось нам встречать;
 Когда священное коронавание свершилось,
 Каким благоговением сердце каждого билось!
 Мы, русские сыны, знать не желаем
 И европейцам не подражаем;
 Для нас дорог наш белый царь,
 Что лишь можем ему приносим в дар.

В отличие от некоторых других, столь же скорострельных, графоманов, осаждавших МИДв, Блиер не сопровождал свои подношения просьбами о денежном вспомоществовании. Тем не менее, найдя первое же из присланных стихотворений «изложен[ным] крайне неудовлетворительно», канцелярия МИДв оставляла их «без последствий», то есть не расщедривалась даже на формальное уведомление о получении. Между тем панегирист, как кажется, мечтал хотя бы о малом знаке внимания. Отослав императору в конце 1883 года стихотворное новогоднее поздравление, строки которого сгодились бы и для аутентичного поэтического опыта русского крестьянина («О Боже! ты изволил милостью своей / Благословлять православных русских людей / За то, что укрепились верою в тебя / И благочестиво ведут себя»), и вновь не дождавшись ответа, Блиер решил побеспокоить министерство телеграммой с указанием обратного адреса: «Получено ли мое стихотворение государю на новый год Блиер Одесса мельница [братьев] Анатра». В подшитой груде пожелтевших листов, листков и листочков, составляющей сегодняшнее архивное дело, телеграфный бланк с вопросом Блиера прорезает монотонность служебной переписки подобно тому, как впечатляет броская деталь на тусклой старой фотографии. Но чиновников МИДв не тронул этот, можно сказать, крик верноподданнической души. Напротив, он переполнил чашу терпения министра. По его приказанию канцелярия затребовала содействия со стороны одесского градоначальника:

Проживающий в Одессе... Зурих Блиер с некоторого времени начал весьма часто присылать в Министерство Императорского Двора рукописи своих стихотворений с выражением верноподданнических чувств, изложенных крайне неудовлетворительно. [Канцелярия просит] сделать зависящее распоряжение о восприятии Блиеру впредь обращаться... с подобными стихотворениями²².

22 РГИА. Ф. 472. Оп. 27. В/о 405/1925. Д. 1. Л. 326, 328, 337—338 об., 340.

Запрет, как кажется, сработал, и усердный панегирист был отлучен даже от безответной адресации к небожителям. Эстетика изъявления верноподданнических чувств обретала политическое значение.

Если бы неприветливость МИДв к Блиеру объяснялась лишь предубеждением против него как еврея, то обратившийся в 1882 году в МИДв также по случаю коронации Александра III Гордей Швецов должен был бы встретить сугубую поддержку. Несколько ранее этот бывший крепостной крестьянин, открывший в себе поэтический дар и призвание просвещать простонародье, издал на частные пожертвования — и, разумеется, с дозволения цензуры — сборник стихотворений «Венок Царю-Великомученику Государю Императору Александру II Благословенному». Семитысячный тираж двух первых изданий разошелся за два месяца. Швецов, в сущности, явился одним из формовщиков, по словам Р. Уортмана, «народного культа Александра II, распространившегося в последующие годы», — культа, который прямо уподоблял насильственную смерть императора крестным мукам Христа [Уортман 2004: 276—277] (см. также: [Виницкий 2008]). Но, как ясно из поданного Швецовым непосредственно министру прошения, его амбиции шли дальше. Ссылаясь на «громадный успех» «Венка», он ходатайствовал о том, чтобы ему накануне грядущей коронации было разрешено зачитывать вслух «русскому православному народу» «в Москве, в одном из театральных или других публичных зданий», свое новое стихотворение «В ожидании Священнейшего Коронования Государя Императора и Государыни Императрицы», «дабы жгучим своим поэтическим словом устрашить подпольную крамолу и напомнить Русскому вернопредданному народу о нашем святом долге защищать своего Августейшего Монарха до последней капли нашей крови и быть по отношению к врагам Царя и Отечества — сметливыми и бдительными». Швецов так расширял обоснование инициативы:

Русскому народу, в полном единении с верным дворянством, остается полагаться в охране Государя лишь на собственную силу; в частности же, на нас, народных писателях, лежит идеальная обязанность воодушевлять народные чувства любви и преданности к Государю и Отечеству живым своим искренне сердечным словом... Всемирная история... свидетельствует нам, что в важнейших государственных случаях простая пламенная речь истинного патриота обезоруживала целые бунтующие армии и вразумляла миллионы заблудшихся людей.

Фигура сколь угодно благонадежного трибуна, «жгучим поэтическим словом», да еще в театре наставляющего массу людей из низших сословий в преданности престолу, заведомо находилась за пределами допустимого. Но МИДв дало себе труд вникнуть в само стихотворение, которое Швецов предназначал для такой декламации, — и нашло, что оно, «хотя и патриотическое по содержанию, отличается крайнею неудовлетворительностью изложения»²³. Итак, заслуги в восхвалении, прижизненном или посмертном, прежнего монарха не облегчали панегиристу прохождения сквозь ужесточившуюся при монархе новом цензуру верноподданнических чувств.

Перемена в подходе МИДв к народным панегирикам в начале 1880-х годов соотносится и с идеологическим поворотом царствования Александра III, и с более постепенной эволюцией представлений имперской элиты о том, как

23 Там же. В/о 404/1924. Д. 6. Л. 298—299, 301.

именно взаимосвязаны легитимность монархии и лояльность подданных. При Александре II и, соответственно, под управлением отца и сына Адлербергов МИДв при всех оговорках включало разношерстных подносителей стихотворной хвалы, разбросанных по городам и весям, в то символическое пространство монархии, где преданность престолу могла выражаться в индивидуализированном или повышено эмоциональном ладу. Это, разумеется, ни в малейшей мере не приобщало панегиристов из низших сословий к социальным и экономическим привилегиям элиты (и даже, увы, не предполагало хотя бы разового приглашения во дворец), но зато — посредством весьма ценных получателями «высочайших благодарностей» — расширяло круг соучаствующих в официальном и неформальном производстве образов монарха и правящего дома.

Этой тенденции и была противопоставлена возросшая накануне коронации Александра III в 1883 году забота МИДв, теперь во главе с И.И. Воронцовым-Дашковым, о форме народных панегириков. Эстетический ригоризм по сути был политическим. Реплика императора о непрошенных поздравителях: «Кто их знает, кто они!» — находила аналог в охотной констатации чиновниками «полнейшей бездарности» безвестных панегиристов. С этой точки зрения щедрая раздача сочинителям благодарностей от царского имени оказывалась расстройкой самой субстанции престижа монархии²⁴. И если готовившееся в те же годы новое издание «Учреждения об императорской фамилии» стало попыткой сконцентрировать харизму династии, ограничив впредь принадлежность к правящему дому ближайшими степенями родства с венценосцами [Wortman 2012: 294—295], то посуровевшее обращение с добровольными апологетами царя сужало с той же целью доступ простых подданных в символический круг горячей верности трону.

Библиография / References

- [Виницкий 2008] — *Виницкий И.* О дяде Гордее и жиде Лейбе (Поучительный случай из истории русской «литературы для народа») // Новое литературное обозрение. 2008. № 5/93. С. 129—154.
- (*Vinitskii I.* O dyade Gordee i zhide Leybe (Pouchitel'nyy sluchay iz istorii russkoy "literatury dlya naroda") // *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2008. № 5/93. P. 129—154.)
- [Григорьев 2007] — *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти. 1831—1917. СПб., 2007.
- (*Grigor'ev S.I.* Pridvornaya tsenzura i obraz verkhovnoy vlasti. 1831—1917. Saint Petersburg, 2007.)

24 По данным С.И. Григорьева, в общем объеме предназначенных для тиражирования материалов, поданных на цензуру МИДв, доля стихотворений сократилась с 40% в 1855 году до 2,5% в 1885-м. Исследователь убедительно объясняет это тем, что «стихи — как эмоциональное выражение верноподданных взглядов, рассчитанное прежде всего на грамотного потребителя, — не имели столь широкого рынка сбыта, как изображения особ императорской фамилии» [Григорьев 2007: 183]. Напротив, ежегодное число панегириков, обсуждаемых в данной статье (таких, которые «подносились» монарху без заявленного намерения публикации), в течение 1860—1870-х годов росло или по крайней мере не уменьшалось. Заметное сокращение также и их числа относится именно к 1880-м, когда само МИДв, как кажется, демотивировало потенциальных панегиристов отказами в царской благодарности.

- [Левонтина 2012] — *Левонтина И.Б.* Русский со словарем. М., 2012.
(*Levontina I.B.* Russkiy so slovarem. Moscow, 2012.)
- [Майорова 2008] — *Майорова О.* Образ нации и империи в верноподданнейших письмах к царю // И время, и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М., 2008. С. 357—369.
(*Maierova O.* Obraz natsii i imperii v verноподданneyshikh pis'makh k tsaryu (1863—1864) // I vremya, i mesto: Istoriko-filologicheskii sbornik k shestidesyatiletiyu Aleksandra L'vovicha Ospovata. Moscow, 2008. P. 357—369.)
- [Сафронова 2016] — *Сафронова Ю.А.* «Высочайшая милость» вне «надлежащего порядка» в первые годы правления императора Александра II // Российская история. 2016. № 1. С. 10—18.
(*Safronova Ju.A.* "Vysochayshaya milost'" vne "nadlezhashchego poriyadka" v pervye gody pravleniya imperatora Aleksandra II // Rossiyskaya istoriya. 2016. № 1. P. 10—18.)
- [Сорокин 1965] — *Сорокин Ю.С.* Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX в. М.; Л., 1965.
(*Sorokin Ju.S.* Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30—90-e gody XIX v. Moscow; Leningrad, 1965.)
- [Уортман 2004] — *Уортман Р.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2-х т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II / Пер. с англ. И.А. Пильщикова. М., 2004.
(*Wortman R.* Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Vol. 2: From Alexander II to the Abdication of Nicholas II. Princeton, 2000. — In Russ.)
- [Шереметев 2004] — *Шереметев С.Д.* Мемуары графа Сергея Дмитриевича Шереметева. Т. 1. М., 2004.
(*Sheremetev S.D.* Memuary grafa Sergeya Dmitrievicha Sheremeteva. Vol. 1. Moscow, 2004.)
- [Шилов 2002] — *Шилов Д.Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802—1917. Библиографический справочник. 2-е изд. СПб., 2002.
(*Shilov D.N.* Gosudarstvennye deyateli Rossiiskoy imperii. Glavy vysshikh i tsentral'nykh uchrezhdeniy. 1802—1917. Biobibliograficheskii spravochnik. 2nd ed. Saint Petersburg, 2002.)
- [Brooks 2019] — *Brooks J.* The Firebird and the Fox: Russian Culture under Tsars and Bolsheviks. Cambridge, 2019.
- [Dolbilov 2017] — *Dolbilov M.* Loyalty and Emotion in Nineteenth-Century Russian Imperial Politics // Exploring Loyalty / Ed. by M. Schulze Wessel, J. Osterkamp. Göttingen, 2017. P. 17—43.
- [Dolbilov 2021] — *Dolbilov M.* Loyalty, Suffering, and the Mission of the Emperor's Alter Ego: Count Alexander Adlerberg as Caretaker to the Wife of Alexander II. (Unpublished paper.)
- [Golburt 2014] — *Golburt L.* The Queen Is Dead, Long Live the King: Paul I's Accession and the Plasticity of Late Eighteenth-Century Panegyric // Russian Literature. 2014. Vol. LXXV. P. 163—187.
- [Rieber 2017] — *Rieber A.* The Imperial Russian Project: Autocratic Politics, Economic Development, and Social Fragmentation. Toronto, 2017.
- [Wortman 2012] — *Wortman R.* The Representation of Dynasty and "Fundamental Laws" in the Evolution of Russian Monarchy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2012. Vol. 13. № 2. P. 265—300.